

Иван Тимофеевич

Ванечка (Иван Тимофеевич) — рассказчик, от лица которого написана повесть «Олеся». Наделен Куприным некоторыми автобиографическими чертами («успел тиснуть в одной маленькой газетенке рассказ с двумя убийствами и одним самоубийством»), сам автор дебютировал в 1894 году в газете «Русский сатирический листок»). Иван Тимофеевич оказался в Полесье по делам служебным (сам Куприн был управляющим в одном из имений в Ровенском уезде Волынской губернии). Там-то судьба свела заядлого охотника, заблудившегося в лесу, с двадцатипятилетней Аленой, по-полесски Олесей. Ее бабка Мануйлиха, как говорили в селе под названием Переброта, была пришлой «из кацапок чи из цыганок». Ее считали колдуньей, а потому прогнали из села.

Олеся олицетворяет естественную, природную жизнь. Впервые она появляется как сказочное существо в сопровождении почти прирученных зябликов. «Оригинальную красоту ее лица, раз его увидев, нельзя было позабыть, но трудно было, даже привыкнув к нему, его описать. Прелесть его заключалась в этих больших, блестящих, темных глазах, которым тонкие, надломленные посередине брови придавали неуловимый оттенок лукавства, властности и наивности; в смугло-розовом тоне кожи, в своевольном изгибе губ, из которых нижняя, несколько более полная, выдавалась с решительным и капризным видом».

Начало взаимоотношений Олеси и Ивана Тимофеевича пришлось на весну. Образ девушки не выходил из головы героя, он находил в ней врожденное благородство, «изящную умеренность», привлекали также «ореол таинственности», «репутация ведьмы, жизнь в лесной чаще». Во время второй встречи Олеся гадает, и это гадание используется для характеристики Ивана Тимофеевича: человек «хотя и добрый, но только слабый... Доброта <...> не хорошая, не сердечная. Слову своему не господин», до женщин «больно охоч». Не сможет никого полюбить, потому что «сердце <...> холодное, ленивое». Олеся предсказывает «большую любовь со стороны треновой дамы» через которую «позор она большой <...> примет».

В дальнейшем пророчество исполнилось: Олеся влюбилась в «барича». Его очаровала не одна красота Олеси, «но также ее цельная, самобытная натура, ее ум». Когда после болезни Иван Тимофеевич снова навещает Олесю, та, понимая, что от судьбы не уйти, целует его и спрашивает, любит ли он ее: «И вся эта ночь слилась в какую-то волшебную, чарующую сказку».

Эта идиллия вскоре оборачивается чередой несчастий. Иван Тимофеевич ставит перед девушкой условие — или он, или старуха Мануйлиха — и уговаривает Олесю пойти в церковь. Олеся верит, что ее «род проклят во веки веков», а душа с самого рождения продана дьяволу, однако решает все же войти в храм в праздник святой Троицы, «выпавший в этом году на день великомученика Тимофея, когда, по народным сказаньям, бывают знамения перед неурожаем». Олеся выдержала перешептывания и недобрые взгляды, но у церковной ограды на нее напали бабы, хотели вымазать дегтем, побить камнями. Чудом ускользнув от озверевшей толпы, бледная, с окровавленным лицом, Олеся бросает своим преследователям: «Вы еще у меня вспомните это! Вы еще все наплачетесь досыта!» И поняла позже, что это был приговор самой себе и бабушке Мануйлихе.

Отсутствовавший в Троицын день по делам службы Иван Тимофеевич навещает оскорбленную и заболевшую от унижения девушку. На следующий день, как и предсказала Мануйлиха, разразился дождь с градом, «с грецкий орех величиной». В Переброте все решили, что это дело рук молодой ведьмы. Иван Тимофеевич бросается на поиски бабушки и внучки, но их «хата была пуста». И лишь «очевидно нарочно повешенная на

оконную раму <...> нитка дешевых красных бус, известных в Полесье под названием «кораллов», напоминала об Олесе «и ее нежной, великодушной любви».

После публикации в газете Куприн долгое время не переиздавал повесть, которую хвалил Горький, но считал бульварной Чехов. Мотив романтической любви к девушке-дикарке (см., например, «Героя нашего времени» Лермонтова) ко времени создания «Олеси» утратил свежесть и новизну.